

Первый подросток в губернаторской программе «Второй шанс» выбран. Он признает себя виновным в ограблении и покушении на нападение.

Джейн Трайдент, «Associated Press»

Лексингтонский подросток, арестованный за ограбление местного магазина самообслуживания и незаконное владение огнестрельным оружием, признал себя виновным и становится первым отобраным кандидатом для участия в программе «Второй шанс» губернатора Монро.

Разработчики программы, находящейся сейчас под сильным огнем критики, обещают покончить с так называемым каналом «школа — тюрьма». Американский союз защиты гражданских свобод определяет этот канал как «политику и практику, которые выталкивают наших детей, особенно детей из группы риска, из школьных классов в системы ювенальной и уголовной юстиции».

С целью замедлить рост уровня преступности среди подростков и сократить число тех из них, кто попадает прямоком в тюрьмы для взрослых, губернатор Монро, выполняя данное в ходе кампании обещание, создал программу «Второй шанс». Основное внимание уделяется терапии и специальным образовательным проектам, ориентированным на индивидуальные потребности в период тюремного заключения и призванным подготовить подростков к возвращению домой.

Критики указывают на то, что деньги, выделяемые штатом на «Второй шанс», нужны для финансирования других программ. Один наш источник, занимающий высокий пост и пожелавший остаться анонимным, заявил, что жители Кентукки не желают, чтобы их налоги тратились на подростков, которым невозможно помочь, а не на учащихся и студентов, которые мотивированы и стремятся к успеху.

С учетом сказанного, можно не сомневаться, что программа привлечет к себе пристальное внимание, и, как считают многие, политическое будущее губернатора будет зависеть от ее успеха или провала.

«Все говорят, ты начинаешь с чистого листа.» Мой брат, Экл, сидит рядом, положив руки на согнутые колени, и смотрит на костер, который я собственноручно сложил из палочек и веточек и запалил кремнем. За последние три месяца я еще много чему научился. Тому, например, как выжить в одиночку в полном безлюдье.

Лес и медведи — не проблема. Теперь, когда я дома, проблема в том, кому можно доверять. Экл это знает. Потому-то он здесь, со мной, тогда как наши друзья и родственники собрались на заднем дворе ради второпях организованной вечеринки, устраивать которую я не хотел.

Есть на этой вечеринке и тот, из-за кого я год провел вдали от дома за преступление, которого не совершал.

Напряжение сковывает шею, и я кручу головой, стараясь выпустить злость. Мне понадобилось почти восемь месяцев, чтобы найти душевное равновесие, но не прошло и тридцати минут, как зата-

ившийся было гнев, преследовавший меня, словно темная туча, опять вернулся.

Напротив нас две девчонки, школьные знакомые, жарят на огне маршмеллоу. Ждут, что я заговорю с ними. Таким я был раньше: любил потрепаться ни о чем, знал, как рассмешить девчонку, как заинтересовать ее несколькими специально подобранными словечками. Улыбочка в нужный момент, и вот уже трусики сброшены. Но сейчас мне не до разговоров и манипулировать кем бы то ни было нет ни малейшего желания.

Подумать только, раньше я жить не мог без компании. Чем больше, тем лучше. Но после восьми месяцев в центре содержания для несовершеннолетних правонарушителей и еще трех в глуши по программе «Раздвинь границы» мне больше по вкусу посидеть в одиночку перед костром.

— Все подтверждают, доступ к информации по твоему делу закрыт, — продолжает Эксл.

Он умалчивает о том, что так будет, если я выполню свою часть сделки — соглашения, достигнутого с окружным прокурором после моего ареста. Я признал себя виновным, а окружной прокурор не стал предъявлять мне обвинения как совершеннолетнему и не отправил во «взрослую» тюрьму строгого режима. Учитывая, что денег на такого адвоката, который доказал бы мою невиновность, у нас не было, сделка представлялась лучшим из двух вариантов.

— Ты получаешь отличный второй шанс.

Во всю эту заварушку я попал случайно — просто так вышло — но попал в удачное время. Наш губернатор как раз искал подростков-пра-

вонарушителей для своей пилотной программы. Кто-то наверху решил дать мне шанс повернуть жизнь в нужном направлении, но этот шанс имеет цену. Цену, которую мой брат мне сейчас и называет.

— Вариант хороший. Начать с чистого листа. Немногим такое удается.

Чистый лист. Это меня и страшит. Может, в том, каким я был до ареста, мне нравится не все, но я, по крайней мере, знал себя. Этот чистый лист, эта возможность стать кем-то другим пугает. Этот новый тип давления. Раньше у меня хотя бы было какое-то оправдание. Теперь если облажаюсь, то только потому, что со мной действительно что-то не так.

Костер потрескивает, потом вспыхивает, и угольки улетают в майскую ночь. Моя младшая сестра смеется на другом конце узкого двора возле старенького дома-пенала, и ее смех напоминает звон тарелок хай-хэт¹. Так знакомо, так приятно. Я впервые чувствую себя по-настоящему дома.

Ей сейчас шестнадцать, выросла быстрее, чем хотелось бы. Она — одна из четырех людей на свете, которых я люблю больше жизни. А еще одна-единственная причина, почему я здесь, а не в своей тесной комнатухе. По словам Экса, это Холидей пришло в голову устроить вечеринку.

От дуба к дубу, через двор развешены зигзагом старые рождественские гирлянды — зеленые, красные, голубые. Большинство гостей пришли со своими стульями и угощениями. Первый обед сво-

---

¹ Тип тарелок, используемых в ударных установках.

бодного человека — гамбургеры, хот-доги и картофельный салат. Чего бы я только не отдал за кусочек толстой хрустящей пиццы, но сказать об этом сестренке духу не хватает.

— Она по тебе скучала, — говорит, перехватив мой взгляд, Экл.

— Я по ней тоже. — Это мои первые слова с тех пор, как мы съехали на дорожку. Раньше я всегда бывал душой компании, заводилой, но теперь, не разобравшись толком в себе, по большей части помалкиваю.

— Мне тебя не хватало, — говорит брат едва слышно. — Без тебя здесь все было не так.

А будет ли когда-нибудь по-прежнему? Этого никто не знает.

— Тот придурак здесь?

Экл смотрит на Холидей, которая как раз толкает в плечо моего лучшего друга, Доминика. Оба улыбаются. Доминик в шутку берет ее в захват, но она легко выскальзывает. А потом — как говорится, помяни черта, и он появится — на горизонте вдруг вырисовывается сам поганец, бывший бойфренд Холидей.

Неровные волны черных волос, футболка с надписью «Styx», как будто он присвоил право на владение всем, что связано с рок-н-роллом, и на физиономии улыбочка, при виде которой так и хочется вколотить зубы ему в глотку. Если бы пройденный за последний год курс терапии дал положительный результат, я бы не испытывал сейчас тайного злорадства при виде его кривого носа и шрама. И то и другое — знаки, оставленные моим кулаком в прошлой жизни. Он заслужил их тогда своим отно-

шением к моей сестре. Думаю, заслуживает чего-то такого и сейчас.

Возникнув рядом с Холидей, Джереми обнимает ее за талию с таким видом, будто для него это обычное дело, а моя сестричка цветет и тает от удовольствия. Стройный и даже изящный, парень выглядит болезненно бледным, особенно в сравнении со смуглой, пышущей здоровьем Холидей.

Сестра пошла в мать. По крайней мере, такой вывод можно сделать, глядя на фотографии ее матери, когда та была моложе. Чернокожая, с танцующими глазами и улыбкой, которая могла осветить самую темную ночь. Кожа у Холидей светлее, но в остальных отношениях она — копия матери.

Джереми уводит мою сестру от Доминика, от всего хорошего, что есть в мире, и затягивает в тень. Я вижу их в сумерках и прикидываю, не проверить ли еще раз его нос на прочность.

— Ты же сказал, что они вроде бы расстались.

— Она с ним порвала, — подтверждает Экл. — Примерно полгода назад. Но за пару месяцев до твоего выхода он снова приполз — мол, все понял, стал другим. На прошлой неделе Холидей его приняла, и я сказал ей, что есть правила. Мне нужно, чтобы и ты их вспомнил. Если она нарушит правила, нам придется проявить твердость.

Двадцатилетний кровельщик, посещающий вечернюю школу, чтобы стать фельдшером «Скорой», и семнадцатилетний правонарушитель воспитывают шестнадцатилетнюю девочку. Такое нарочно не придумаешь.

— А есть среди этих правил такое, что ему запрещается подходить к ней ближе чем на сотню футов? Судебный запрет, так оно называется, да?

— Она клянется, что он изменился.

Изменился. Предполагается, что изменился как раз я. В лесу, где наш психолог говорил о готовности прощать. Если я не простил парня, который довел до слез мою сестру, значит ли это, что я остался прежним? — А он изменился?

Экл поджимает губы. Палочка летит в огонь, пламя охватывает ее и в считанные секунды превращает в пепел. Да. Такой ответ — пинок в живот.

— Я слишком много говорю. Толкаю ее прямо в его объятия, — хмыкает Экл.

Я сам живое тому подтверждение. Перед самым арестом поцапался с сестрой из-за этого придурка, и в результате все закончилось не лучшим образом.

— Держусь тихо, как будто выставил ее душу на продажу. Никто не вручил мне пособие по воспитанию подростков, когда бабушка Холидей подписала документ о передаче прав опекуна. До того никаких правил Холидей не знала. В моем доме они есть. В остальном полагаюсь на импровизацию.

Исподтишка бросаю взгляд на старшего брата, жду, что он объяснит, какие чувства питал ко мне перед моим арестом. Вот только я ни в какие плохие руки не попадал. Меня родители просто ненавидели.

— Но ты вернулся, — продолжает Экл, — и теперь у тебя будет возможность присмотреть за ней. А я смогу наконец определить какие-то границы. Правила. По крайней мер, ограничить время, которое она проводит с ним.

— Думаешь, послушает? — спрашиваю я. — Будет выполнять правила?

— Может, она и не слушает то, что касается Джереми, но все остальное выполняет четко.

Для непонятливых перевозжу: Холидей — не я.

— Мне тоже установишь правила?

Эксл фыркает:

— А тебе без них никак?

Может быть, но в ответ я только поднимаю пальцы.

— Как тебе такое: ты больше не облажаешься.

— Понял. — По крайней мере, надеюсь, что так оно и есть.

— Как дела, Эксл? Привет, Дрикс! — Старый приятель — когда-то мы вдвоем устраивали концерты в местных клубах — здоровается за руку с Эксллом и кивает мне. «Привет, ты как?» «В порядке».

Они разговаривают, а я смотрю то на них, то на огонь.

Мой старший брат — теперь еще и мой опекун. Так постановил суд. Слишком много глупостей я наделал, живя с мамой, а папа не из тех, на кого можно положиться. Эксл на девять лет старше, у него приличная работа, а еще ему достались по наследству все рецессивные гены ответственности, которых нет ни у мамы, ни у папы.

Мы с Эксллом пошли в отца. Русые волосы, темные глаза, тяжелый металл в душе. В том, что касается музыки, наши пристрастия, в общем-то, не изменились, хотя стиль уже не тот. У него обе руки в татуировках и серьги в ушах, а я ни тату, ни серьгами не увлекался и волосы

носил до плеч, тогда как Эксл сбрасывал их под корень.

Первым, с чем я столкнулся, попав в центр содержания для несовершеннолетних правонарушителей, была стрижка «под ноль». Сейчас волосы немного отросли, но на висках они едва заметны, а сверху торчат ершиком, как будто это мой собственный выбор. Как сказала Холидей, когда я пришел домой, у меня стрижка хорошего парня и походка плохого.

Друг уходит, прощаясь с Экслем, ударившись кулаками. Меня похлопывает по спине. Молодцом, брат. Ты все пережил — и внутри, под замком, и снаружи, в лесу.

— Странно, что ты в разговор не вклинился, — говорит брат.

Да, странно. Не быть в гуще событий. Не рассказывать какую-нибудь забавную историю. Не смешить компанию забавной шуткой и не смеяться громче всех, слушая другого.

Раньше я пил, чтобы напиться, врезать кому-нибудь, помахать кулаками, а утром пожалеть о случившемся.

Теперь я другой — спасибо годовому курсу групповой терапии. Семь ее месяцев прошли за решеткой, еще три — в лесу. Три месяца пеших походов, спусков на байдарке по забытым рекам, восхождений на вершины. Три месяца полного изнеможения, такого, что когда мне вручили рюкзак весом в пятьдесят фунтов, я даже и не понял, хорошо это или плохо.

В пятнадцать лет меня отправили жить с мамой, и хотя многое из того времени мне не-

приятно, было в нем и кое-что хорошее. Я не огорчаюсь оттого, что потерял плохое, но мне становится не по себе при мысли, что утрачено также и хорошее.

— Как разыграем? — спрашивает Эксл. — Чем я могу помочь?

Речь идет не о вечеринке — брат имеет в виду, как мы уживемся втроем: я, он и Холидей. Как я приспособлю части прежней своей жизни к жизни новой, определенной судебной сделкой. В конце концов Эксл говорит о том, о чем мы никогда не говорили после моего ареста.

О том, что на самом деле преступление совершил кто-то, кого мы оба знаем и любим.

Мы оба думаем, что это была Холидей на пару с Домиником или Доминик сам по себе. Ни она, ни он за решеткой не выжили бы. Я — дело другое. Я не сломался, и для меня важно одно: чтобы семья верила в мою невиновность. Они и верили, а вот полиция — нет. К тому же на меня указывали улики. Вот почему Эксл и говорит, что нам еще повезло с той сделкой.

— Это хорошо, что ты снова сможешь играть, — продолжает брат. — На ударных лучше тебя никого нет.

Ударные. Все последние месяцы я мечтал о том, как снова сыграю на барабанах. Без родных, без барабанов — мне как будто отрубили руки. Я и потому еще не обрадовался этой вечеринке, что иначе представлял себе возвращение домой, думал, что пройду сразу же в гараж, сяду в тишине за установку, а потом сыграю. Почувствую ритм в крови, в сердце. Почувствую, как музыка заполняет пустую